

О. В. Кудрявцев

РИМ, АРМЕНИЯ И ПАРФИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ПРАВЛЕНИЯ НЕРОНА

В первой половине правления Нерона наметились два направления римской политики по отношению к Армении и Парфии. Одно из них, представленное Агриппиной, было продолжением традиций последних лет Клавдия, предоставившего делам на Востоке развиваться самостоятельно. Инициаторами другого направления были Сенека и Бурр, стремившиеся в отношении Армении возродить традиции основателя империи: Армения была захвачена вооруженной рукой¹. Во второй половине правления Нерона происходит решительный перелом в римской политике по отношению к Армении и Парфии. В связи с выдвижением представителей новой италийской знати, группировавшихся вокруг молодого Нерона, произошли решительные изменения во внешней и во внутренней политике².

К концу 60 гг. Нерон стал тяготиться опекой своих руководителей. Смерть Бурра избавила его от советов властного префекта (Т а с., *Ann.*, XIV, 51; *S u e t.*, *Nero*, 35; *D i o*, LXII, 13, 3). Вместе с тем постепенно падало влияние Сенеки (Т а с., *Ann.*, XIV, 52—53, 56; *D i o*, LXII, 25, 2). Падение правителей означало конец мира между императором и старой знатью: Нерон, поддержанный сгруппировавшимися вокруг него представителями новой италийской знати, решил наложить свою руку на государственные дела.

Кружок, сложившийся вокруг Нерона, до известной степени противопоставляет себя сенаторскому сословию в целом. Временно возродившееся в первые годы Нероновского принципата влияние сената вновь падает. В речи Нерона при начале работ на Истме, приводимой С в е т о н и е м (*Nero*, 37, 3), император, желая успеха себе и народу, не упоминает сената. Без согласия сената Нерон обходится при решении ряда важных государственных вопросов (Т а с., *Ann.*, XV, 32; *S u e t.*, *Nero*, 12, 1; 24, 2; 37, 3). Действительное распоряжение делами переходит к совету прин-

¹ См. О. В. Кудрявцев, Римская политика в Армении и Парфии в первой половине правления Нерона, ВДИ, 1948, № 3, стр. 61—63. Критический разбор историографии вопроса см. о н ж е, Восточная политика Римской империи при Нероне, ВДИ, 1948, № 2, стр. 83—95.

² По внутренней политике Нерона и в особенности по истории борьбы между ним и старой аристократией см. Н. А. М а ш к и н, История древнего Рима, 1947, стр. 410, сл.; А. Г. Б о к щ а н и н, Социальный кризис 1-го в. хр. эры и Иудейская война 66—70 гг. (рукопись), стр. 258 сл.; С. Ф р я з и н о в, Принцес, аристократия и сенат в древнем Риме времени Нерона, УЗИФМОПИ, II, 1940, стр. 187—245.

цепса, мнение которого было необязательно (15, 1). Во время борьбы с заговором Писона этот совет состоял преимущественно из всадников¹. В этом совете, между прочим, обсуждалась неудача Пета (Т а с., App., XV, 25). Уменьшается роль сенаторских (т. е. замещаемых сенаторами) магистратур² и соответственно этому вырастает значение префектов претория. Увеличивается влияние отпущенников. Нерон намеревался передать им и всадникам управление провинциями и войсками, отняв его у сенаторов (S u e t., Nero, 37, 3). Их богатства вошли в пословицу (Т а с., App., XIV, 55). Поликлит, посланный Нероном ревизовать римское управление в Британии, так высокомерно распоряжался в этой провинции, что, по словам Тацита, «варвары удивлялись, что вождь и войско, совершившие такую войну, слушаются рабов»³. Даже в сенатских провинциях самовластно хозяйничают отпущенники⁴. Уезжая в Ахаию, Нерон оставляет управлять Италией Гелия (D i o, LXIII, 18, 1), отпущенника и эллина. К концу правления Нерона отпущенники проникают во все отрасли администрации.

Вторая половина правления Нерона была временем борьбы между принцепсом и сенатом. Хотя сенаторская знать состояла на девять десятых из людей, выдвинувшихся в период империи⁵, она ощущала свое единство и противопоставляла себя императорскому господству. Стремясь к усилению своей власти, Нерон должен был покончить с преобладанием сенаторской знати. Отношение к сенаторскому сословию во вторую половину правления становится пренебрежительным (S u e t., Nero, 37, 3), а в конце жизни Нерон думал не только о лишении сенаторов управления провинциями и командования войсками (S u e t., Nero, 37, 3), но даже и о полном их истреблении (там же, 43, 1). Особенно напряженная борьба со знатью ведется в последние четыре года правления Нерона⁶.

Знать, в свою очередь, оказывает активное сопротивление Нерону. В ее среде нарастает враждебное отношение к императору (D i o, LXII, 23, 5). С середины 60 годов каждый год происходят заговоры. В 65 г. подготавливается заговор Писона (Т а с., App., XV, 49 сл.) и рядом с ним возникает другой, центром которого был Сенека⁷. В 66 г. гибнет по обвине-

¹ Впрочем, в других случаях его состав бывал иногда более аристократическим, однако и тогда совет оставался орудием императорской политики.

Т а с., App., XV, 69: устранение консула Вестина без суда; S u e t., Nero, 43, 2: лишение Нероном обоих консулов власти во время восстания Виядика и принятие консульства на себя.

³ Т а с., App., XIV, 39; о Поликлите еще D i o, LXIII, 12, 3; Т а с., Hist., II, 95.

⁴ Т а с., App., XVI, 23: Акрат в Азии.

⁵ Подсчитано, что в 65 г. из 390 сенаторов было 13 патрициев, 19 представителей старых плебейских родов, 16 — из знати последнего века республики, что в общей сложности равно 12,3%. Остальные вступили в ряды знати уже в эпоху принципата.

⁶ P l i n., NH, XVIII, 35; Т а с., App., XIV, 61; XV, 16; 52; 68; XVI, 9; 12; 21; 27; Hist., I, 48; IV, 42; S u e t., Nero, 37, 3; 43, 1; D i o, LXII, 26, 1; LXIII, 17, 1; 18, 1.

⁷ D i o н (LXII, 24,1) прямо говорит о заговоре Сенеки и Руфа, но его свидетельство можно было бы отвергнуть, как пристрастно враждебное философу. Тацит стремится очистить Сенеку от этого обвинения, но, как добросовестный историк, не может скрыть истины. Если даже не принимать во внимание известия Антония Натала (Т а с. App., XV, 60), смерть братьев Сенеки (D i o, LXII, 25,3; Т а с., App., XVI, 17), то все же у Тацита есть прямое свидетельство, облеченное в форму молвы, как Тацит всегда поступает с мнениями, ему неприятными; XV, 65: «была молва, что Субрий Флав в тайном совещании с центурионами не без ведома, однако, Сенеки, определял, чтобы после убийства трудами Писона Нерона Писон также был умерщвлен и власть была передана Сенеке, как бы избранному среди виновных [in sospitibus — чтение У а п с е н' а] благодаря блеску добродетелей для высшего положения». Молва, видимо, соответствовала истине, и гибель Сенеки (XV, 61; 63—64: D i o, LXII, 25,2) была следствием замыслов его друзей.

нию в заговоре Публий Антей (Т а с., *Ann.*, XVI, 4). В 67 г. Гелий доносит Нерону в Ахайю о большом заговоре, который затевается в Риме (D i o, LXIII, 19, 1). В эти же годы происходит заговор Винициана в Беневенте. Положение Нерона становилось все более и более неустойчивым; смерть его была встречена радостью всего сената (Т а с., *Hist.* I, 4). Знать приняла живейшее участие в гибели Нерона; сенаторы возбуждали воинов против него (D i o, LXIII, 27, 2), и сенат издал распоряжение о казни его по обычаю предков (S u e t., *Nero*, 49,2).

Однако противоречия внутри господствующего класса не ограничиваются борьбой между принципсом и сенатом, между старой и новой знатью. Новая италийская знать, «цвет... колоний и муниципиев» введенный Августом и его преемниками в сенат (C i L, XIII, 1, 1, 1668), была вынуждена вести борьбу не только с реакционным нобилитетом, но и с провинциальной знатью, выдвигающейся ей на смену¹. Допущение к римским магистратурам жителей северных провинций Галлии при императоре Клавдии открыло двери сената для провинциалов, отдельные представители которых попадали ранее в сенат лишь в исключительных случаях (например, Корнелий Бальб, Анней Сенека, Юний Галлион). Слабые вначале и потому вынужденные примыкать к старым политическим группировкам, представители провинциальной знати начинают постепенно поднимать голову. Их первыми крупными выступлениями общеимперского масштаба были восстание галльской знати во главе с потомком аквитанских царей Гаем Юлием Виницианом и поддержка испанской аристократией Сервия Сульпиция Гальбы; это выступление стоило Нерону жизни и власти. Гражданская война 68—69 гг. поставила у власти династию Флавиев и утвердила преобладание местной знати западных романизированных провинций. Аристократия восточных эллинистических провинций (за исключением, быть может, зависимых царей) проникает в сенат лишь при Флавиях и особенно при Траяне и Адриане, но и в отношении этих провинций во второй половине правления Нерона заметно некоторое движение. В эти годы возрастает роль эллинизма, представители которого (и не только из императорских отщепенников) все больше проникают в императорскую администрацию. Таковы были римские всадники Тиберий Александр из Александрии и Гессий Флор из Клазомен (I o s., *AI*, XX, 252). Однако восточные провинции еще не успели настолько тесно слиться с Римской державой, чтобы их знать могла оказывать постоянное влияние на политику римского правительства. Здесь еще с середины I в. н. э. нарастает широкое народное движение, направленное против империи в целом и вылившееся в Иудейскую войну 66—70 гг. Обострение классовых противоречий в Иудее и, в известной мере, в других провинциях оказало некоторое влияние и на внешнюю политику Рима: можно предполагать, что оно в какой-то степени ускорило заключение римско-парфянского договора.

В 59 г. царем Армении был назначен Тигран², правнук Ирода Великого³. Он долгое время прожил в Риме и постепенно опустился «до рабского терпения» (Т а с., *Ann.*, XIV, 26). В начале 60 г. царь прибыл в Армению, но «был принят неединодушно, так как у некоторых было

¹ Относительно выдвижения провинциальной знати и ее борьбы со знатью италийской ср. А. Г. Б о к щ а н и н, *ук. соч.*, 31—33, 258 сл.

² Монеты: С о h e n, *Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appelées Medailles Impériales*, I, 1859, стр. 181.

³ Его происхождение: I o s., *AI*, XVIII, 139—140; *BI*, I, 552; *II*, 222; Т а ц и т (*Ann.*, XIV, 26) сообщает не вполне точные данные.

твердое расположение к Арсакидам¹. Поэтому в Армении был поставлен римский гарнизон, состоявший из тысячи легионариев, трех союзнических когорт и двух ал конницы (Т а с., App., XIV, 26), и отдельные части страны были отданы соседним царям (Т а с., App., XIV, 26; Dio, LXII, 20, 2). По окончании устройства страны Корбулон был переведен в Сирию, в которой после смерти Квадрата не было наместника.

Тигран был последним римским ставленником на армянском престоле. Свыше ста лет Рим безуспешно пытался окончательно подчинить Армению своему господству. Общественно-политический строй Армении, упорное сопротивление армянского народа римскому господству и суровая природа этой обширной горной страны препятствовали этому.

По своему общественному строю Армения, подобно Парфии, Иберии и другим соседним странам, была в целом рабовладельческим государством восточного типа², но в разных частях Армении существовала значительная пестрота общественных укладов; во многих местах, например, в горах между долинами Арсания и Аракса, земледелие почти не было развито: римское войско, проходя через эти местности, было вынуждено питаться только «мясом животных» (Т а с., App., XIV, 24). Дальше других областей по пути общественного развития пошли юго-западная Армения с Тигранакертой (Тигранакерт) и долина Арсания. Наряду с коренным армянским населением в Армении существовали почти независимые скотоводческие племена, совершавшие сезонные перекочевки: таковы были, например, марды, жившие к востоку от Тоспитиды³. Эта пестрота социально-экономического строя, где развитые земледельческие области перемежались с районами примитивного скотоводства, препятствовала утверждению римского владычества в стране.

В стране господствовала знать, оказывавшая значительное влияние на ход событий. Власть царя была далеко не всесильной: в I в. постоянно слышно о заговорах и восстаниях знати против царей. Цари, по большей части бессильные римские ставленники, были временами совершенно беззащитны перед знатью. Такими римскими ставленниками были Тигран, Ариобарзан, Артавазд, Тигран (RG DA, 27; ср. Т а с., App., II, 3—4, где порядок царей несколько иной): Вонон (Т а с., App., II, 4) — при Августе, Зенон-Артаксия (Т а с., App., II, 56) и Митридат (Т а с., App., VI, 32) — при Тиберии. Многие из них были лишены власти насильственным путем. В короткий период 51—52 гг. два армянских царя пали жертвой сопротивления знати: Радамист, опираясь на армянских мегистанов, сверг своего дядю Митридата (Т а с., App., XI, 44) и сам вскоре после того был вынужден обратиться в бегство (Т а с., App., XI, 51) от своих подданных, окруживших его в его собственном дворце (Т а с., App., XI, 50). Судьбы Армении находились в руках мегистанов.

Армянская знать опиралась на обширные земельные владения. Сидя в своих горных укреплениях, отдельные мегистаны самостоятельно со-

¹ Т а с., App., XIV, 26: «nec consensu acceptus, durante apud quosdam favore Arsacidarum». Слова Тацита о том, что «большинство, ненавидя гордость парфян, предпочитало данного римлянами царя» надо отнести за счет римского патриотизма автора.

² Новые соображения, подтверждающие эту точку зрения, высказанную на основании греко-римских источников, можно найти в основанной на армянских источниках работе С. Т. Еремиана, Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху, ИАН Арм. ССР, ООН, 1948, № 11, стр. 33—73, вышедшей уже после сдачи в набор настоящей статьи. На той же точке зрения стоит и Г. И. Голы, Черты своеобразия армянского эллинистического театра (автореферат диссертации), 1949.

³ О мардах см. Н е р., I, 125; P l i n., NH, VI, 131; Т а с., App., XIV, 23; P t o l., Geogr., V, 12.

противлялись римскому оружию (Т а с., *Ann.*, XIII, 39; XV, 27). На местах мегистаны чувствовали себя совершенно независимыми от центра.

Недостаточно централизованное Армянское государство не могло самостоятельно сопротивляться Риму и было вынуждено искать помощи Парфии. Большая часть армянской знати была настроена враждебно по отношению к Риму. Зависимость от Парфии, которая была столь же слабо централизована, как и сама Армения, и которую современник П л и н и й (*NH*, VI, 41) называет «царства парфян», сводилась разве лишь к уплате дани. Армянской знати эта зависимость казалась легче, чем подчинение царю, за спиной которого стояли римские легионы. Это понимали и сами римляне. По словам Т а ц и т а (*Ann.*, XIII, 34), «армяне... положением земель, сходством нравов более близкие к парфянам и перемешанные [с ними] браками», склонялись на сторону державы Арсакидов. Во время кампании 57—58 гг. Тиридат, по словам Тацита, «страшен был более слухами [о нем], нежели военными действиями»¹. Корбулону постоянно приходилось бороться с сильной оппозицией армянской знати (например, Т а с., *Ann.*, XV, 27). Незадолго до взятия Тигранакерты несколько представителей армянской знати составили заговор против Корбулона, и один из них попытался его убить (Т а с., *Ann.*, XIV, 24). Пропарфянские настроения были особенно распространены на севере и востоке Армении. Недаром Тиридат после окончательного утверждения в Армении избрал своей столицей расположенную на севере Артаксату (*D i o*, LXIII, 6, 5).

Однако, наряду с пропарфянской, среди армянской знати существовала и проримская ориентация. Знать западных областей Армении во главе с Тигранакертой, особенно примыкавшей к Евфрату Софены, тяготела к Риму. Как известно, эллинская и эллинизированная знать восточных провинций и зависимых царств была важнейшей социальной опорой римского владычества на Востоке. Именно эти обстоятельства заставляли западноармянских мегистанов обращать взоры на Рим, как на постоянного и всеобщего покровителя рабовладельческой аристократии. Уже в первый год правления Нерона армянское посольство прибыло в Рим (Т а с., *Ann.*, XIII, 5), в другом месте у Тацита² говорится, что «армяне... приглашали оружие обеих сторон». Во время борьбы с Корбулоном Тиридат, по словам Тацита, «опустошал [земли] тех, кто был нам [римлянам] предан» (XIII, 37). Взятая почти без боя Тигранакерта была оставлена невредимой (*Ann.*, XIV, 24) и сделалась позднее столицей Тиграна, тогда как Артаксата была разрушена вплоть до основания (*Ann.*, XIII, 41). Все это показывает, что римская власть в Армении опиралась на юго-западную часть страны.

Еще более, чем округа Тигранакерты, тяготела в лице своей знати к Риму Софена, расположенная по левому берегу Евфрата. В Софене, явшею некогда особым царей (*S t r a b o*, XII, 3, 28), но в первые десятилетия империи принадлежавшей к Армении, были сильны сепаратистские тенденции. Когда в конце правления Клавдия Армения была захвачена парфянами, Софена осталась в римской сфере влияния и вместе с приходом к власти Нерона получила особого царя Согема (Т а с., *Ann.*, XIII, 7), которого, вопреки обычному мнению, следует, повидимому, отождествить с одноименным правителем Эмеса³. Царство Согема было,

¹ Т а с., *Ann.*, XIII, 37: «plura fama quam pugna exterrere».

² Т а с., *Ann.*, XIII, 34: «Armenii... utraque arma invitabant».

³ *I o s.*, VI, II, 501; III, 68; VII, 227, Vita, 52. Последний достиг власти точно так же, как и тот, который упоминается у Тацита, в первый год правления Нерона (*I o s.*, AI, XX, 158). О его воцарении Иосиф так же, как и Тацит, говорит вслед за воцарением Аристула. Разные задачи историков заставили их упомянуть одного — только о Софене, другого — только об Эмесе. О малоармянском царстве Аристо-

повидимому, уничтожено одновременно с воцарением Тиграна. На это указывает отсутствие Согема в числе царей, которые были вознаграждены за счет Армении (Т а с., Апп., XIV, 26), хотя он был ее ближайшим соседом. Дальнейшие обстоятельства подтверждают это¹. Поэтому Согем, когда он выступил на стороне Веспасиана (Т а с., Hist., II, 81) и участвовал в Иудейской войне (V, 1), был уже только царем Эмесы, в то время как Софена была давно потеряна им.

Как наиболее близкая к евфратской границе область Армении, Софена была снова занята римскими войсками после второго похода Корбулона (ILS, I, 232). Вероятно, они стояли там до возвращения Тиридата из Италии. При Флавиях Софена снова соединяется с Великой Арменией.

Таким образом, армянская знать стояла частично на проримской точке зрения. Что касается широких масс народа, то они относились к римскому владычеству враждебно. Во время похода Корбулона через Армению в стране начинается партизанская война: жители «покидают селения и уходят в необитаемые места; были и такие, [которые] скрывались в пещерах и [скрывали] с собой то, что было им всего дороже» (Т а с., Апп., XIV, 23). Это чрезвычайно затрудняло военные действия римлян на территории Великой Армении.

Римское владычество было особенно тяжело для Армении непосредственно во время военных действий. Римское военное право было здесь столь же сурово, как и в других местах. По отношению к покоряемой стране применяется система военного террора: «долины [и] горы, сильных и слабых наполняет он [Корбулон] одинаковым ужасом» (Апп., XV, 27). Страна подвергается систематическому опустошению (Апп., XV, 8), сопротивление жителей подавляется беспощадно: Тацит рассказывает, что римляне сжигали скрывавшихся в пещерах, закладывая выходы хворостом (Апп., XIV, 23). При захвате городов и крепостей римляне овладевают значительной добычей: «неспособный к военной службе народ» продается в рабство (Апп., XIII, 39). В мирное время римское владычество было менее тяжелым, поскольку римские гарнизоны стояли в стране лишь в отдельных крепостях и далеко не всегда; примером является вспомогательная когорта, под командованием Целли Поллиона, занимавшая крепость Горнеи в конце правления Клавдия (Апп., XII, 46). Можно предполагать, что ее задачей была охрана непопулярного Митридата от его собственных подданных. На большее империя, постоянно стесненная в войсках и державшая на восточной границе только четыре легиона, не была способна. Следствием было то, что Армения была захвачена сперва Радамистом, а потом парфянами. Когда римское владычество было опять восстановлено Корбулоном, Риму пришлось принять более энергичные меры: впервые в зависимом царстве была поставлена в качестве гарнизона вексиллатиона легионариев, которой были приданы три когорты и две алы вспомогательных войск (Апп., XIV, 26). Они должны были охранять власть Тиграна и от парфян и от антиримской партии внутри Армении. Таково было положение в стране, когда походом Тиграна в Адиабену началась новая война, коренным образом изменившая судьбу Армении.

була Иосиф упоминает потому, что тот происходил из дома Ирода. Дальнейшее исчезновение Согема, царя Софены, непонятно. Соединение столь отдаленных областей в руках одного владельца возможно: так, например, Котию кроме Малой Армении была дана и часть Аравии (D i o, LIX, 12,2). Исходя из этого, следует отождествить обоих Согемов.

¹ Корбулон выводит легионы из Тигранокерты не в Софену, а в Каппадокию (Т а с., Апп., XV, 6). Военные действия Пета (Т а с., Апп., XV, 7) и Корбулона (XV, 26) начинаются с перехода Евфрата. Отделенная от Армении Софена не могла бы пережить договор Пета (XV, 6; D i o, LXII, 21,2).

Немедленно после воцарения Тигран вторгся в Адиабену и стал опустошать ее (Т а с., App., XV, 9; Dio, XLII, 20, 2). Причины похода недостаточно ясны. Попытки считать его самовольным поступком Тиграна и полагать, что низвержение его Римом было следствием его самовольных действий, неудачны. Некоторые полагали, что поход Тиграна был задуман с одобрения Рима. Другие, ссылаясь на пример Целия Поллиона, бесконтрольно распоряжавшегося в Армении при Митридате Иберском, считали, что начальник римского гарнизона в Армении был полномочным хозяином страны, а так как он вместе с тем был подчинен легату Сирии, то, следовательно, поход Тиграна мог начаться только по воле Корбулона. Однако с этой концепцией нельзя согласиться. Полная зависимость Тиграна от начальника римского отряда несомненна, но последний мог фактически совершенно не подчиняться легату, что видно из примера того же Целия Поллиона, самовольно перешедшего на сторону Радамиста. Последующая политика Корбулона показывает, что он не мог быть зачинщиком этого похода. Приходится, таким образом, предположить, что Тигран был побужден к нашествию на Адиабену из Рима. Воспитанный при дворе, возможно, в непосредственной близости к императору¹, Тигран принес с собой оттуда новый курс восточной политики, и именно это склонило на его сторону всадника, командовавшего вексилляционной легионарией и пятью союзническими отрядами, стоявшими в Армении². Так, по желанию Нерона и против воли Корбулона, началась новая восточная война.

Непосредственным поводом к адиабенскому походу Тиграна было, видимо, стремление предотвратить полный разгром Гиркании Вологесом. Положение Гиркании, теснимой с запада Парфией, а с востока Арианой, было очень тяжело. Гиркании угрожало быть стертой между двумя соседями. От этой перспективы ее спас поход Тиграна. Весной 61 г. Вологес был вынужден заключить мир с гирканами.

Вологес еще после того, как узнал о завоевании Армении Корбулоном, решил «итти мстить за оскорбление могущество Арсакидов» (Т а с., App., XV, 1), но колебался, несмотря на просьбы Тиридата. От решительного столкновения его удерживали «уважение к продолжающемуся союзу»³ с Римом, могущество империи и восстание гирканов (Т а с., App., XV, 1). У царя царей был один выход. И верхние сатрапии и Армения были потеряны. Победа над Римом облегчила бы подавление восстания гирканов, а бесплодная борьба на гирканской границе при наличии римского господства в Армении привела бы к еще большему ослаблению Парфии⁴. Вест о вторжении Тиграна в Адиабену определила решение Вологеса. Царь Адиабены Монобаз просил о помощи (Т а с., App., XV, 1). Тиридат был унчан диадемой, и в Армению были отпавлены парфянские войска (XV, 2), которые вместе с адиабенами осадили Тигранокергу (Т а с., App., XV, 4—5; Dio, LXII, 20, 3). В это время Вологес, заключив мир

¹ Достаточно вспомнить царей, окружавших в последние годы Тиберия юного Гая.

² Таким подчиненным Корбулона, изменившим своему начальнику ради благоволения императора, мог быть Аррий Вар, позднее обвинявший Корбулона перед Нероном (Т а с., Hist., III, 6).

³ Т а с., App., XV, 1: «*continui foederis reverentia*». Это указывает на то, что признание Тиридата не стояло в договоре 55 г., так что захват Армении римлянами формально не разрывал союза. И позднее парфяне ссылались на право давности, а не на договор (App., XV, 2: «... я предпочел справедливости, а не кровью, правом, а не оружием удерживать приобретенное предками...»).

⁴ Соглашение с Римом не было возможно, ибо оно означало бы лишение Тиридата Армении.

с гирканами¹, стал угрожать римским провинциям (Т а с., *Ann.*, XV, 4—5; *D i o.*, LXII, 20, 2). Нельзя согласиться с Шуром², который полагает, что царь хотел действовать одновременно против Армении и Сирии. В действительности поход Вологеса был демонстративным. Царь укрепился в Нисибе (Т а с., *Ann.*, XV, 5), и от Тигранокерты его отделял разлившийся Тигр; тем самым военные действия главных сил царя против Тигранокерты были затруднены. Давление на Сирию имело целью связать войска Корбулона и помешать последнему оказать деятельную помощь Тиграну. Парфянские войска приблизились к римским границам.

Узнав об этом, Корбулон послал Тиграну два легиона, предупредив легатов, «чтобы они во всем действовали более спокойно, нежели поспешно»³. Они не успели подойти вовремя, и в Тигранокерте были осаждены только те когорты, которые раньше стояли в Армении. Сам же Корбулон принялся за укрепление обороны своей провинции, донося в Рим, что она «вследствие нашествия Вологеса находится в более острой опасности»⁴, чем Армения. Недовольный походом Тиграна, Корбулон хотел оттянуть⁵ начало решительных действий до прибытия отдельного полководца для Армении, о необходимости назначения которого он написал Нерону вскоре после вторжения парфян в эту страну (Т а с., *Ann.*, XV, 3; 6). Верный предначертаниям Сенеки и Бурра, Корбулон не хотел принимать участия в войне, затеянной императором и его окружением, тем более, что пребывание на Востоке убедило Корбулона в невозможности при таких обстоятельствах удержать Армению. Он ограничился тем, что должен был сделать в качестве сирийского легата: послал помощь Тиграну, а сам занялся обороной своей провинции (*D i o.*, LXII, 20, 3).

Но Корбулон решил предпринять шаги и к ликвидации самого конфликта. К Вологесу был отправлен центурион Касперий, который потребовал снятия осады с Тигранокерты, угрожая от имени Корбулона вторжением в Месопотамию⁶. Опасаясь столкновения (Т а с., *Ann.*, XV, 5), царь решил отказаться от дальнейшего наступления (*D i o.*, LXII, 20, 3). «Итак, с тайным страхом и прикрываясь мирными намерениями, он отвечает, что пошлет к императору римскому послов для того, чтобы просить Армению [для Тиридата] и заключить мир»⁷. Парфянские войска были выведены из Армении, а сам Вологес отступил (Т а с., *Ann.*, XV, 5). Однако в договоре были и другие условия, о которых молчит Дион и которые Тацит предпочитает передать в виде молвы. Во всяком случае, римские силы были тоже выведены из Тигранокерты, а вслед за ними пришлось удалиться и Тиграну. Трудно сказать, было ли это тайным

¹ Т а с., *Ann.*, XV, 2. Независимость Гиркании поддерживалась столетиями; еще при Антонине Пии «инды, бактрианы, гирканы посылали послов, узнав такую справедливость императора» (*A u r. V i c t.*, *Caes.*, XV, 4).

² S c h u r, *Die Orientpolitik des Kaisers Nero*, 1923, стр. 21.

³ Т а с., *Ann.*, XV, 3: «compositius cuncta quam festinantius agerent»; ср. XV, 5.

⁴ Т а с., *Ann.*, XV, 3. Не следует особенно доверять этим словам, причиной которых было стремление доказать важность обороны своей провинции и нежелание идти в Армению. Слова Светония (*Nero*, 39,1) «едва была удержана Сирия» — страшное преувеличение, вытекающее из пользования автора резко враждебными Нерону источниками. Нельзя, впрочем, и утверждать, что у Тигранокерты находились лучшие силы Вологеса (*S c h u r*, *Orientp.*, 22); это противоречит Т а ц и т у (*Ann.*, XV, 2).

⁵ Так следует понимать слова Тацита (*Ann.*, XV, 3): «ибо предпочитал иметь войну, нежели вести».

⁶ Т а с., *Ann.*, XV, 5. Корбулон повторил прием Вителлия, примененный тем против Артабана (VI, 36).

⁷ Т а с., *Ann.*, XV, 5: «igitur metu abstruso mitiora obtendens, missurum ad imperatorem Romanum legatus super petenda Armenia et firmanda pace respondet»; *D i o.*, LXII, 20, 4. У Диона переговоры приписываются инициативе Вологеса.

условием договора или естественным следствием ухода римских войск. Все это оживленно обсуждалось в Риме, и, что бы ни говорил Тацит, мнение многих было неблагоприятно для Корбулона¹. Видимо, и правительство было недовольно им.

За один год от лета 60 до лета 61 г. произошло два отступления от намерений Сенеки и Бурра и, следовательно, от политики Августа: одно — в сторону агрессии, другое — в сторону полного отказа от фактического господства в Армении. Впервые была серьезно выдвинута кандидатура Арсакида как компромисс между Римом и Парфией (Т а с., App., XV, 5). Здесь же впервые обозначилось расхождение по вопросу об Армении между императором и старой знатью. Рим смог преодолеть его лишь ценой тяжелого поражения, которое его войска потерпели в следующем году.

Посольство Вологеса к Нерону было неудачным (Т а с., App., XV, 7; D i o, LXII, 20, 4). В Риме стали входить в силу новые лица: два приближенных Нерона — Кессний Пет и Петроний Турпилиан — были ординарными консулами 61 г. (Т а с., App., XIV, 29). По окончании консульства оба получили назначения на важнейшие театры военных действий: Петроний — в Британнию, Пет — в Армению. Пет не был способным военачальником, он не умел ни твердо проводить свои решения, ни слушаться других (Т а с., App., XV, 10) и своим возвышением был обязан, видимо, близости к Нерону. Осенью 61 г. Пет прибыл на место назначения (Т а с., App., XV, 6; D i o, LXII, 20, 4). Таким образом, снова, как в начале правления Нерона, Армения была выделена из подчинения легату Сирии, и туда был назначен особый легат. Оба легата были совершенно независимы друг от друга². Скоро, однако, между ними возникла глухая вражда, причиной которой было не столько личное соперничество, сколько различие взглядов на армянский вопрос. С самого начала Пет заявил о новом направлении политики правительства, говоря, что «он наложит побежденным подати и законы, и вместо тени царя — римское владычество» (Т а с., App., XV, 6). Нерон и его окружение открыто порвали с политикой Августа, который, по его собственным словам, мог обратить Армению в провинцию, но не сделал этого (RGDA, 27). Таким образом, были ясно намечены два пути решения вопроса об Армении.

Парфяне, узнав о неудаче своего посольства в Рим, возобновили войну. «Пет не отказался» (Т а с., App., XV, 7) принять вызов и, перейдя Евфрат, вступил в Армению (XV, 7). Он сразу двинулся через восточные отроги Тавра по левую сторону Евфрата «для возвращения, как он говорил, Тигранакерты и опустошения областей, которые Корбулон оставил нетронутыми» (Т а с., App., XV, 8). Углубившись далеко в Армению и не сумев закрепить пройденную территорию, Пет, ввиду недостатка провианта и наступления зимы, вынужден был отступить. Тем не менее, в своем письме к Нерону, он, по словам Тацита, изобразил войну завершенной, хотя это и не соответствовало истине (Т а с., App., XV, 8).

На следующий год парфяне, потерпев неудачу на границах Сирии, двинулись во главе с Вологесом против Пета с юга в долину Арсания³.

¹ Т а ц и т (App., XV, 6) стремится оправдать Корбулона, но не может скрыть неблагоприятных суждений, которые распространялись о Корбулоне в Риме.

² Т а с., App., XV, 6: «в остальном они для пользы дела соединились бы или разделялись»; о подчинении одного другому ничего не говорится. Кроме того, Пет считал, что ему достаточно славы и в том, чтобы считаться ближайшим» (XV, 6). Итак, Пет не был помощником Корбулона. В рассказе нельзя заметить какого-либо неравенства отношений.

³ То, что парфяне вторглись в Армению с юга, оставив Тигранакерту справа, ясно из того, что они шли с берега Евфрата в Месопотамии и что им пришлось преодолеть заслон, выставленный на отрогах Тавра (Т а с., App., XV, 10; D i o, LXII, 21, 1). Рассказ Д и о н а (LXII, 21, 1) до этого места отличен от рассказа Та-

Силы Пета были недостаточны: V легион зимовал в Понте, а остальные были ослаблены отпусками (Т а с., App., XV, 9). Вызов XII легиона только показал недостаток войск в лагере Пета. Все же, по мнению Тацита или его источника, «и с этим можно было удержать лагерь и отразить парфянина» (Т а с., App., XV, 10), но у Пета нехватило для этого терпения. «И теперь, оставив зимний лагерь, громко крича, что ему даны на врага не ров и не вал, но люди и оружие, он повел легионы сражаться» (Т а с., App., XV, 10). Однако первая же неудача заставила его отступить в Рандею. Как заслон против парфян на ближайшей возвышенности Тавра были выставлены 3000 избранных пелотинцев (Т а с., App., XV, 10; Dio, LXII, 21, 1), т. е. значительная часть войск Пета, а равнину между Тавром и Арсанием заняла паннонская конница. Таким образом, Пет рассеял свои и без того недостаточные силы; крайние обстоятельства и убеждения окружающих заставили его, наконец, обратиться к Корбулону (Т а с., App., XV, 10).

Перемирие 61 г. прервало военные действия в Месопотамии. После их возобновления Вологес совершил поход на Тигранокерту, и на берегах Евфрата парфянские отряды появились только следующей весной¹. На этот раз опасность, угрожавшая Сирии, была еще меньше, чем в предыдущем году. Корбулон выполнил прошлогоднюю угрозу, перейдя с частью войск Евфрат и укрепившись на левом берегу. Он не собирался наступать: переход Евфрата был орудием дипломатического давления, а не стратегическим приемом. Ему удалось добиться успеха: парфяне ушли от Зевмата, и граница Сирии осталась неприкосновенной (Т а с., App., XV, 9).

Через некоторое время пришла просьба Пета о помощи. Корбулон подготовил войска, которые должны были быть отправлены, но «не спешил, так как с увеличением опасностей возрастает и слава помощи» (Т а с., App., XV, 10). Корбулону хотелось еще раз выступить спасителем положения на Востоке и доказать правоту своей точки зрения. Только после второго обращения Пета, когда тот призывал «защитить знамена и орлов и то, что осталось по имени от несчастного войска»², Корбулон двинулся в путь. Он «направился по ближайшей и не лишенной продовольствия дороге в область Коммагену, оттуда в Каппадокию, затем к армянам» (Т а с., App., XV, 12), причем двигался не особенно быстро³. Только повстречав недалеко от места назначения воинов из разбитой армии Пета, Корбулон ускорил свое движение (Т а с., App., XV, 12). Все же он опоздал, и его прибытие принесло только ту пользу, что Вологес, если верить

цита. Первый поход Пета на Тигранокерту изображается как попытка помочь городу против наступающего Вологеса. Она оказывается неудачной, Пет терпит поражение, и Вологес, преследуя бегущего, переходит Тавр и подступает к Рандее. Сжатое изложение Диона упрощает события: две кампании слиты в одну.¹ Поход Вологеса на Тигранокерту, вероятно, был, ибо у Тацита (App., XV, 7) говорится, что парфяне, узнав о неудаче переговоров, возобновили военные действия. Поражение Пета возможно, но между ним и Рандеей — зимний перерыв и действия против Корбулона в Месопотамии.

¹ Т а с., App., XV, 9. Военные действия, описываемые в этой главе, начались запово, а не были продолжением предыдущих. См. Т а с., App., XV, 9: «ибо они [вражеские турмы] уже [т. е. с наступлением весны] в прилежащих полях носились с большим блеском».

² Т а с., App., XV, 11: «signa et aquilas et nomen reliquum infelicis exercitus tueretur».

³ Dio, LXII, 22, 1: «с невероятной быстротой». Это известие восходит к Корбулону. Его движение не могли не замечать верблюды, нагруженные хлебом (Т а с., App., XV, 12), назначение которых к тому же непонятно, ибо Корбулон шел «по не лишенной продовольствия дороге» (XV, 12), а Пет имел большое количество провианта (XV, 16).

Диону, узнав о приближении Корбулона, поспешил заключить соглашение с Петом на более мягких условиях (D i o, LXII, 21, 3). Но и это известие, по всей вероятности, восходит к запискам Корбулона.

После первого обращения к Корбулону положение Пета все время ухудшалось. Вологес раздавил заслон, выставленный на одном из отрогов Тавра, выгнал панновскую конницу с равнины и вышел в долину Арсания. Пет оказался отрезанным от Каппадокии. Он снова обратился к Корбулону, прося о спасении знамен и орлов и говоря, что «они [Пет и его войны] между тем, сохраняют верность, пока достанет жизни» (T a c., Ann., XV, 11). Вслед за тем парфянские силы обложили Рандею (T a c., Ann., XV, 13). Хотя в лагере Пета было достаточно продовольствия (T a c., Ann., XV, 16), в войске Пета началась полная деморализация (T a c., Ann., XV, 13). Положение парфян, если верить Корбулону, было тоже неважным, и они должны были бы скоро оставить осаду, тем более, что Корбулон находился в трех днях пути от Рандеи (T a c., Ann., XV, 16; D i o, LXII, 21, 2). Это сообщение носит на себе явные следы тенденции Корбулона к унижению своего сотоварища, хотя самый факт не содержит в себе ничего невероятного.

Пет отправил Вологесу письмо, упрекая царя в том, что «тот начал враждебные действия за армян, всегда находившихся под римской властью или подчиненных царю, которого посылал император» (T a c., Ann., XV, 13). Он говорил, что «мир одинаково полезен» (T a c., Ann., XV, 13) для обеих сторон, и предостерегал царя, указывая, что «сам он пришел со всеми силами царства против двух легионов, а у римлян остается [весь] земной круг, чтобы поддерживать войну»¹. Вологес ответил, что он должен полагаться братьев Пакора и Тиридата (T a c., Ann., XV, 14) для решения судьбы Армении и легионов. Вскоре начались переговоры между Петом и начальником парфянской конницы Васакком, который, по словам Тацита, между прочим, говорил, что, хотя формально Армения принадлежит римлянам, сила на стороне парфян. Наконец, было заключено соглашение на том, что «легионы освобождаются от осады, все войны уходят из пределов армян, крепости и припасы передаются парфянам» (T a c., Ann., XV, 14), Вологес же может отправить послов к Нерону (T a c., Ann., XV, 14). К этому Дион добавляет, говоря о Пете: «и поклялся он оставить всю Армению и что Нерон даст ее Тиридату» (LXII, 21, 2). Сходное с этим известие Тацит считает измышлением Корбулона (T a c., Ann., XV, 16). Однако подобное условие весьма вероятно: оно аналогично договору 61 г. и предложениям парфянских послов весной 63 г. Вологес учитывал силу Рима, а признание царем Тиридата означало фактическую уступку Армении парфянам. Вологес удовлетворялся этим. Надеясь захватить страну без труда и вместе с тем сохранить хорошие отношения с Римом, а также узнав о приближении Корбулона, он отпустил Пета и его легионы (D i o, LXII, 21, 3). Пет построил мост через Арсаний, но парфяне не дали им воспользоваться, и римлянам пришлось двинуться в Каппадокию вдоль северного берега реки². «Пет в один день отмерил пространство в сорок миль, остав-

¹ T a c., Ann., XV, 13: «ipsum adversus duas legiones totis regni viribus adversisse: at Romanis orbem terrarum reliquum, quo bellum iuvarent. О письме Пета см. еще D i o, XLII, 21, 2.

² T a c., Ann., XV, 15; D i o, LXII, 21, 4. Оба утверждают, что мост был построен по приказанию парфян. Особенно невероятен рассказ Тацита. Хотя Тацит и говорит, что мост был полезен парфянам, все же он указывает сам, что Вологес, не доверяя римлянам, переехал Арсаний на слоне. D i o, LXII, 21, 4: «конечно, он не отступил тогда через мост, но сам [Вологес переправился через реку] на слоне, другие же, как и прежде». Итак, парфянам мост был не нужен, построение же его только в качестве памятника победы было бы бессмысленно. Напротив, римлянам

ляя повсюду раненых» (Т а с., App., XV, 16). Корбулон столкнулся с разбитым войском у Евфрата (Т а с., App., XV, 16; Dio, LXII, 22, 1). При встрече с Петом Корбулон упрекал его за преждевременную сдачу, ибо война, по его мнению, могла кончиться поражением парфян; в ответ на это Пет предложил соединенными силами напасть на Армению, не защищенную после отхода Вологеса. Корбулон отказался и отправился назад, а Пет пошел зимовать в Каппадокию (Т а с., App., XV, 17).

Одной из причин неудачи Пета было то, что ему пришлось столкнуться, в отличие от Корбулона во время завоевания Армении, с основными силами парфян; к тому же он имел в своем распоряжении недостаточное количество войска. Крупную роль сыграли ошибки самого полководца, хотя к ним одним нельзя сводить причины раннейшего поражения. Известная доля вины ложится при этом и на Корбулона.

Рандейская катастрофа стала скоро обрастать легендой. Рассказывали, что римским легионам пришлось пройти под ярмом (Т а с., App., XV, 15), и эта молва была подхвачена С в е т о н и е м (Nero, 39, 1). Ко времени раннейшего поражения относится и эпитафия на Нерона, сохранившаяся у того же С в е т о н и я (Nero, 37, 2):

*«Наш напрягает кифару, но лук напрягает парфянин.
Наш назовется Пеан, тот же — Гекателет».*

Следствием Рандеи был перелом в римской политике: Рандея помогла восторжествовать программе Корбулона.

По возвращении Корбулона в Сирию к нему «были посланы вестники Вологеса [которые просили], чтобы он разрушил укрепления за Евфратом и сделал реку, как прежде, границей» (Т а с., App., XV, 17; Dio, LXII, 22, 2). Корбулон «потребовал, чтобы Армения была очищена от рассеянных [парфянских] гарнизонов»¹. Царь уступил, и, в ответ на разрушение укреплений Корбулоном за Евфратом, Армения была оставлена парфянами (Т а с., App., XV, 17; Dio, LXII, 22, 3). Это соглашение действовало до весны или лета 63 г. (Dio, LXII, 22, 3). Корбулону без войны удалось достигнуть положения, которое было до прибытия Пета. Обойдя вопрос о Тиридате, он молчаливо признал парфянские притязания на Армению, выразившиеся в договоре с Петом и в предложениях посольства, прибывшего весной 63 г. в Рим. Таким образом, несомненно, что переход Корбулона на левую сторону Евфрата представлял собой не начало наступления, но являлся лишь гарантией очищения Армении.

По возвращении из Армении Пет отправил императору новое письмо с ложным освещением дела (Т а с., App., XV, 25). В Риме торжествовали победу. В начале весны 63 г. прибыло посольство Вологеса, которое потребовало Армении для Тиридата (Т а с., App., XV, 24). Однако Вологес отклонял поездку Тиридата в Рим (Т а с., App., XV, 27). Все же он соглашался на то, чтобы Тиридат был поставлен на царство на месте перед римскими знаменами и изображением принцепса и в присутствии легионов (XV, 24).

мост был необходим, чтобы, перейдя Арсаний, идти по старой дороге к Мелитене и скорее соединиться с Корбулоном. Это — еще одно доказательство того, что Пет не собирался соблюдать обещания, данного варвару и врагу, и не терял надежды на совместное с Корбулоном вторжение в Армению.

¹ Т а с., App., XV, 17: «Armeniam quoque diversis praesidiis vacuam fieri expostulabat».

Хотя и раньше в Риме подозревали о каких-то затруднениях на Востоке (Т а с., Апп., XV, 18), слова парфянских послов произвели неожиданное и сильное впечатление. Прибывший с ними центурион на вопрос об Армении показал, что «все римляне оттуда вышли» (Т а с., Апп., XV, 25). Нерон созвал совет принцепса, стал совещаться «с первейшими людьми государства [о том, что] лучше: сомнительная война или бесчестный мир»¹. Признание Тиридата было бы признанием капитуляции, и только удачный поход мог восстановить честь римского оружия на Востоке. Соглашение с Римом должно было быть принято парфянами из рук победоносного полководца, а не навязано Риму последними. Послы были отпущены без ответа, по с дарами, в знак того, что Тиридат получит Армению, если сам придет в Рим². Нерон отрешил Пета от начальства (D i o, LXII, 22, 4), но не подверг его наказанию (Т а с., Апп., XV, 25). Было устранено разделение командования на Востоке, которое принесло столько зла. Единым главнокомандующим был назначен Корбулон (Т а с., Апп., XV, 25; D i o, LXII, 22, 4), в котором видели не только способного полководца и завоевателя Армении³, но и человека, который имел свою программу и проводил ее последовательно и успешно. Его программа победила потому, что она оказалась более соответствующей силам империи.

Корбулон двинулся в Армению⁴. Он принял послов Тиридата и Вологеса, предлагавших мир, и отправил с ними центурионов, поручив им догоргориться с парфянами. Римляне предложили Тиридату, чтобы он просил Нерона сделать его армянским царем, а Вологеса, чтобы он заключил союз с Римом. В заключение Корбулон противопоставлял господствующий в империи мир парфянским междоусобиям. К убеждениям была добавлена сила: было разрушено несколько укреплений враждебных римлянам мегистанов (Т а с., Апп., XV, 27). Римляне спешили воспользоваться временной оккупацией Армении, чтобы расправиться с неудобной им пропарфянской партией.

Вскоре после этого произошла встреча Корбулона и Тиридата в Рандее (D i o., LXII, 23, 2). Было решено, что Тиридат символически откажется от царской власти и получит ее снова от самого Нерона (Т а с., Апп., XV, 29). Через несколько дней были торжественно выстроены войска, в середине поставлен трибунал, помещено курульное кресло с изображением Нерона (Т а с., Апп., XV, 29; D i o, LXII, 23, 3; по Диону было несколько изображений). «Тиридат ... подошел к ним и пал ниц и, принеся жертву... снял диадему с головы и положил перед ними»⁵. Преклонение перед изображением императора было обычной формой присяги зависимых царей Риму (Т а с., Апп., XII, 17), но для Армении этим нельзя было ограничиться. Тиридат должен был отправиться в Рим, и в этом заключалась одна из целей последнего похода. Другой и наиболее важной целью была необходимость поддержать военное достоинство Рима на Востоке. Цель похода была достигнута, и ни в коем случае нельзя утвер-

¹ Т а с., Апп., XV, 25: «inter primores civitatis... bellum anceps an pax inhonesta placeret».

² Т а с., Апп., XV, 25; D i o, LXII, 22, 3: «... Нерон, узнав о случившемся и дав аудиенцию послам Вологеса, которых тот снова послал, ответил им, что даст Армению Тиридату, если тот придет в Рим...»

³ Как полагает М о м м с е н, Римская история, V, 1885, стр. 381.

⁴ Краткое изложение переговоров 63 г. и рассказ о путешествии Тиридата в Италию даются у В. С. С е р г е е в а, Дипломатия древнего Рима, «История дипломатии», I, 1941, стр. 77—80.

⁵ D i o, LXII 29,3; Т а с., Апп., XV, 29. К этому соглашению относятся слова Диона, которыми заканчивается рассказ о борьбе за Армению у Ксифилина; D i o, LXII, 20,1: «и Вологеса, все еще страшного, принудив к соглашениям, подчинил воле римлян».

ждать, что договор был заключен Корбулоном самовольно на условиях, отвергнутых правительством. В противном случае правительство вряд ли утвердило бы этот договор. Но не столько Корбулон следовал указаниям правительства, сколько правительство предоставило ему вести войну по собственному усмотрению. Венчание Тиридата в Риме должно было вознаградить Нерона за неудачу его завоевательных намерений.

Таким образом, борьба за Армению окончилась компромиссом. Причиной этого было то, что Парфия опасалась долгой и тяжелой борьбы с Римом, Рим же не мог удержать Армению при постоянном натиске со стороны Парфии. Превращение одного из представителей династии Арсакидов в царя, зависимого от Рима, оказалось наиболее приемлемым исходом.

После этого Тиридат уехал на свидание с братьями, оставив Корбулону заложницей дочь (Т а с., Апп., XV, 30). Война была окончена.

Летом 66 г. Тиридат приехал в Италию. Города и провинции торжественно встречали пришельцев (D i o, LXIII, 2, 2). Тиридат привез с собой заложниками своих детей и дегей Вологеса, Пакора и Монобаза (D i o, LXIII, 1, 2). Царь прибыл прежде всего в Неаполь, где находился Нерон (D i o, LXIII, 2, 3). Он встретился с Нероном, «преклонив колени и скрепив руки, назвав его господином и пав ниц» (D i o, LXIII, 2, 4). «После же этого Нерон повел его в Рим и возложил на него диадему. В Риме состоялось блестящее празднество (D i o, LXIII, 4, 1). Преклонившись перед Нероном, Тиридат обратился к нему: «Я, господин, потомок Арсака, брат царей Вологеса и Пакора, твой же раб. И пришел к тебе, моему богу, пав ниц перед тобой, как перед Митрой, и буду тем, что ты мне определишь; ибо ты мне и рок и судьба» (D i o, LXIII, 5, 2). Гордый ответ Нерона мало соответствовал действительности: «то, что тебе не оставлял отец, и братья, да, не сохранили, я дарую; и делаю [тебя] царем Армении, чтобы и ты и они научились, что я могу и стнимать царства и дарить»¹. «Сказав это, [Нерон] приказал ему, чтобы тот поднялся по всходу, сделанному к нему перед седилицем, и посаженному у ног возложил диадему» (D i o, LXIII, 5, 4; см. S u e t., Nero, 13).

Венчание Тиридата было отмечено многими торжествами. Судя по монетам, Нерон принял предимя «Император», подобно Цезарю и Августу. Храм Яна был закрыт (S u e t., Nero, 13; монеты); в этом Нерон не отказался подражать первому принцепсу (например, D i o, LIII, 26, 5). Были выбиты особые монеты с легендами: «во время мира, добытого для римского народа на земле и на море, запер Яна», «Победа Августа», «Алтарь Мира» и т. д. Были устроены театральные представления (D i o, LXIII, 6, 1). Вскоре после этого царь двинулся в обратный путь (D i o, LXIII, 7, 1).

Торжественность приема, оказанного Тиридату, была обусловлена прежде всего соображениями внутренней политики. Блеск побед должен был скрыть от глаз кровавые деяния Нерона; недаром Тацит связывает процесс стоиков с приездом Тиридата (Т а с., Апп., XVI, 23). Кроме того, путешествие армянского царя произвело сильное впечатление и на Востоке. Если целью торжественного венчания Тиридата в Риме было поддержание военного достоинства империи, то она была достигнута, несмотря на фактический отказ от Армении.

По возвращении в Армению Тиридат получил разрешение восстановить Артаксату (D i o, LXIII, 6, 5) «и вывел из Рима многих ремесленников для этого, взяв одних от него [Нерона], других же привлекая деньгами. Но Корбулон, хорошо зная цену дружбы и опасность рестав-

¹ D i o, LXIII, 5, 3. Сходным образом Лысый Нерон увенчал Диэгида, «как будто он поистине победил и мог дать какого-либо царя дакам» (LXVII, 7, 3).

рации укреплений Артаксаты, выпустил из римских владений только тех, которые были даны Нероном и которых поэтому он не мог задержать. Эта мера снижала ему еще большее уважение Тиридата (D i o, LXIII, 6, 6). Хотя восстановленная Артаксата получила название Неронеи (D i o, LXIII, 7, 2), знаменательно то, что именно она стала столицей Тиридата. Это было выражением реального преобладания парфян в Армении (см. стр. 50).

Так возник новый порядок вещей, продержавшийся с небольшим перерывом более столетия. Несмотря на то, что Тиридат признал номинальную зависимость от Рима, достигнутое соглашение было крупным успехом Парфии. Хотя отношения между Римом и Парфией строились в основном на началах равенства, однако в дипломатической обрядности парфяне должны были допускать первенство Рима. Это было выражением общего превосходства Римской империи, раскинувшейся по трем берегам Средиземного моря, над государством Арсакидов, международное значение которого не выходило за пределы Передней Азии. Соотношение сил между Римом и Парфией на Востоке нашло отражение в номинальной зависимости Армении от Рима и фактической принадлежности ее Парфии.

Армения не была занята римлянами. Римские силы в Софене стояли здесь только до возвращения Тиридата. Потеря Армении заставила увеличить пограничные войска, и вдоль всей армянской границы были расположены их лагеря (T a c., Ann., II, 6). Восточной армией вплоть до своего отозвания незадолго до смерти командовал Корбулси (D i o, LXIII, 17, 6). Первое время сохранение единого командования вызывалось отсутствием ратификации римско-парфянского договора, позднее — новыми предприятиями, которые намечало правительство. Тиридат продолжал спокойно царствовать до времен Домициана, и только в начале правления ему пришлось выдержать тяжелую борьбу с аланами. Его победы над ними были прославлены в народных песнях, сохранных Моисеем Хоренским¹.

Получение армянским царем диадемы от Рима стало обычным обрядом при смене царя (D i o, LXVIII, 17, 1). Однако этот торжественный обряд прикрывал уступку Армении державе Арсакидов. Отсюда происходило расположение парфян к Нерону. Последний во время всеобщего восстания помышлял обратиться к ним (S u e t., Nero, 47, 2); впоследствии парфяне убеждали сенат почитать память Нерона и охотно поддерживали самозванца, который прикрывался его именем (S u e t., Nero, 57, 2). Парфянский ставленник в Армении Паргамасирий поспешно явился к Траяну, желая повторить обряд венчания, некогда совершенный над Тиридатом, ибо не считал его слишком тяжелым для себя (D i o, LXVIII, 20, 2). В Армении не было римских войск: наличие гарнизона в Гармозике не является доказательством военной зависимости Армении от Рима, поскольку Гармозика находилась в пределах Иберии. Поэтому лживые слова T a c и т а: «Тиридат пойдет, как зрелище для народов, почти что пленный» (Ann., XV, 29), далеки от истины². Ему бы следовало вспомнить свое замечание о привычках римлян, «у которых ценится сила власти, пустяками же пренебрегают» (Ann., XV, 31). Положение Армении по новому порядку напоминало положение Мидии при Августе: ее царь Арнобарзан был назначен из Рима (RGDA, 33), но находился в зависимости от Парфии. Ситуация была аналогична, но граница сфер влияния сместилась к западу. Империя ограничила себя Евфратом.

¹ Относительно традиции Моисея Хоренского об армянских Арсакидах см. Г. Халатьянц, Армянские Аршакиды в «Истории Армении» Моисея Хоренского, I—II, 1903.

² П л и н и й (NH, VI, 23) также говорит, что Рим впервые видел умоляющего Арсакида, который не был беглецом из своей страны.

Однако уступка Армении была выгодна не только парфянам. Ценным приобретением римско-армянского договора был союз с Парфией. Нерон приглашал Вологеса к себе, но тому не захотелось играть в Риме роль умоляющего царя, и он предложил Нерону свидание в Азии. (D i o, LXIII, 7, 2). «Нерон же не пошел против него, хотя и имел гнев на него...» (D i o, LXIII, 8, 1); мир Рима и Парфии при Нероне более не нарушался. Уступка Армении укрепила римскую границу; восточные пределы империи не подвергались нападению извне во время Иудейской (несмотря на эпизодическую помощь из-за Евфрата; I o s., VI, I, 5; II, 520; VI, 343; D i o, LXVI, 4, 3) и гражданской войны (T a c., Hist., II, 51; 82; S u e t., Vesp., 6, 4; D i o, LXVI, 11, 3).

С другой стороны, уступка Армении Арсакидам поставила под угрозу восточные пределы Сирии и вызвала необходимость укрепления римской восточной границы (I o s., VI, VII, 220—222; 230—233; T a c., Hist., III, 47; S u e t., Nero, 18; Vesp., 8, 4). Этого требовали предосторожности в отношении парфян, борьба с племенами Закавказья на севере и кочевниками пустыни на юге. Вместо одного сирийского легата на римском Востоке появились три наместника, имевших в своем распоряжении легионы. Количество легионов на Востоке сильно увеличилось. Это стало возможным потому, что империя Флавиев была сильнее империи Юлиев и Клавдиев. Ведь именно потому, что нехватало легионов, римское правительство первого столетия империи было вынуждено ориентироваться на силы зависимых царей. Гражданская война 68—69 гг. внесла глубокие изменения в общественный строй империи. Со времени Флавиев начинается постепенное уравнивание Италии и провинций. Римское гражданство и латинское право быстро распространяются по берегам Средиземного моря. Расширение социальной базы императорского режима за счет рабовладельческой знати провинций и укрепление власти принцепса сделали возможным некоторое увеличение военных сил империи. Пополнение легионов провинциалами, проводившееся до известной степени еще при Юлиях и Клавдиях, принимает при Флавиях все более широкие размеры. Веспасиан первый начал систематически набирать легионы среди романизированных жителей Запада. Укрепление военных сил государства дало возможность усилить оборону восточных границ.

Таким образом, парфянская политика Рима при Нероне отчетливо разделяется на четыре периода: I период (54 г.): господство Агриппины — миссия Леллиана. Продолжение внутренней политики Клавдия — бездействие по отношению к Востоку, как в последние годы Клавдия. II период (54—60 гг.): правление Сенеки и Бурра — первый поход в Армению, начало царствования Тиграна. Сенаторская реакция, возврат к Августу — традиционная политика в отношении Армении, ее вооруженный захват, фактическая зависимость Тиграна. Корбулон — исполнитель воли правительства. III период (60—63 гг.): расхождение императорской и сенаторской политики: поход Тиграна в Адиабену и Пета в Армению, попытка превращения Армении в провинцию — переговоры Корбулона с Вологесом. Рост деспотических тенденций — вмешательство Нерона в политику, агрессия на Востоке. В результате военной неудачи Пет вынужден принять условия, выдвинутые незадолго перед тем сенаторской партией в лице Корбулона. IV период (63—68 гг.): соглашение с парфянами; второй поход Корбулона, путешествие Тиридата в Италию, его царствование. Напряженная борьба между императором и старой знатью — победа оборонительной политики на Востоке под давлением внешних обстоятельств, единомыслие правительства и Корбулона, преобладание Корбулона над правительством вследствие победы его программы и фактического господства на Востоке, отказ от Армении, номинальная зависимость Тиридата.

Таким образом, из двух точек зрения на армянский вопрос победила та, которую поддерживала старая знать, несмотря на то, что самое существование древней аристократии в это время было поставлено под угрозу. Это показывает, что объективные условия, вынуждавшие империю к обороне, были сильнее, чем субъективные стремления отдельных группировок римского рабовладельческого класса. Положение, созданное договором 66 г., сохраняется и после смерти Нерона.

Римская политика Вологеса за время правления Нерона распадается на пять периодов. I период (54 г.): фактическое невмешательство Рима в дела Армении, преобладание в Армении парфянского влияния. II период (54—60 гг.): захват Армении римлянами, борьба с гирканами и с сыном Вардана¹, отказ от непосредственного вмешательства в армянский вопрос. III период (60—61 гг.): поход Тиграна в Адиабену, мир с гирканами — возобновление агрессии. IV период (61—63 гг.): договор 61 г. с Корбулоном, победа над Петом — поиски соглашения с Римом на основе зависимости Тиридата от Рима. Стремление избежать военных столкновений с Римом после побед Корбулона в Армении и сохранить фактическое господство в стране. Компромиссное решение — до некоторой степени результат совместного творчества Корбулона и Вологеса. V период (63—68 гг.): победа традиционной сенаторской политики в Риме — соглашение с Римом, признание Тиридатом номинальной зависимости от Рима, фактическое же господство Парфии в Армении. Долговременная вражда двух великих держав заменяется их союзом.

¹ Парфянский претендент, выступивший в 55 г. против Вологеса, которого одни согласно рукописному преданию данного места у Тацита (*Ann.*, XIII, 7; *filius Vardanis*) считают сыном царя Вардана (сына Арбатана III и брата Готарза) — это мнение представляется более вероятным, тогда как другие видят в нем Вардана, сына самого Вологеса (*filius Vardanes*).